



ЖУРНАЛ РАССКАЗЫ

**Максим Ахмадович Кабир**

**Дарья Странник**

**Герман Шендеров**

**Дмитрий Николов**

**Ирина Родионова**

**Максим Суворов**

**Журнал «Рассказы».**

**Маска страха**

**Серия «Крафтовый литературный  
журнал «Рассказы»», книга 18**

*Издательский текст*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67274360](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67274360)*

*Журнал «Рассказы». Маска страха: Издательство Крафтовая  
литература; М.; 2022*

*ISBN 978-5-6047221-2-1, 978-5-6046114-0-1*

### **Аннотация**

: По этому городу бродит кукловод, дергает за нити, принуждает к словам и поступкам. Здесь люди рассыпаются на части и срастаются как ни в чем ни бывало. И когда-то гордый народ платит страшную цену за простую свободу.

# Содержание

Дядя мышь. Максим Кабир	4
Астероидная готика. Дмитрий Николов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Максим Кабир, Дмитрий  
Николов, Ирина Родионова,  
Дарья Странник,  
Герман Шендеров  
Журнал «Рассказы».  
Маска страха**

**Дядя мышь. *Максим Кабир***

Высадились Тереховы в аэропорту имени Никоса Казандзакиса. Любопытный Ваня погуглил: Казандзакис был крупнейшим греческим писателем двадцатого века. Что такого выдающегося он сочинил, выяснить Ваня не успел. Лиска вырвала телефон, крича:

– Опять на голых баб пялишься?

– Мам! – призвал Ваня к справедливости. – Пап, скажите ей!

Но мам-пап не услышали, замороженные пейзажем. За окнами комфортабельного автобуса плавали в мареве холмы, а справа раскинулось долгожданное море, бескрайнее, цвета

бутылочной зелени, темнеющее к горизонту.

Окутанная кондиционерной прохладой, буйная пятнадцатилетняя Лиска успокоилась и вернула телефон. Она пыталась читать надписи на вывесках и билбордах: вроде буквы знакомые, но как произнести вслух? Младшие Тереховы хихикали, а старшие охали и ахали, восторгаясь красотами.

Через полчаса автобус въехал в городок с колоритными двух- и трехэтажными домами, уютными тавернами и пестрыми туристическими лавками. У супермаркета «Spar» свернул в узкие улочки, норовя зацепить зеркалами углы квадратных зданий, подолгу пропуская мотороллеры, автомобили и квадроциклы. Гид объявлял название отелей, пассажиры высаживались. Вскоре в салоне остались только Тереховы.

– «Таврос»! – сказал гид. Родители приуныли.

Отель в четыре этажа выглядел не то чтоб ветхо, но изрядно потасканно. И соседствовал он не с пляжем, не с променадом, а с пустырем, поросшим осокой, и с развалинами какого-то отнюдь не античного строения.

Ване стало жаль родителей, копивших весь год на отдых, и он изобразил энтузиазм:

– Как в кино!

Что за кино такое малобюджетное, он не уточнил.

Фойе «Тавроса» было самым обычным. Сверкающий керамогранит, хрустальная люстра, пальма в кадке. Колесики чемоданов прокатились по полу с лошадиным звуком.

Папа заполнил бумаги, портье нацепил гостям пластиковые браслеты, выдал ключ, носильщик подхватил чемоданы. И – Welcome to Crete!

Лифт оказался музейными экспонатом со складчатыми, закрывающимися вручную дверцами и медными кнопками. Настолько тесным, что на четвертый этаж Тереховы транспортировались двумя партиями. И попали в царство сумрака. Тени облюбовали коридор и лестничные пролеты, елозили по грубой фактуре стен. Но из отворенного номера хлынул свет и радостный гомон. Гомонили за окнами, которые выходили на бассейн ярко-голубого цвета. Между зданиями в десяти минутах ходьбы зеленел кусочек Критского моря.

Родители повеселели, и Ване номер понравился. Приняв душ, Лиска заперлась в комнате, которая на ближайшую неделю принадлежала ей и младшему брату, и вышла переоблачившаяся. Ваня сменил трусы на плавки, и веселой гурьбой Тереховы двинули на обед.

Там-то они и столкнулись с Дядей Мышью.

Это Лиска придумала, поглощая спагетти. Она давала прозвища всем подряд, и прозвища прилипали намертво: теперь и родители называли ее классную руководительницу Чукчей, а учительницу географии Лягушкой-Путешественницей. «Дядя Мышь, – подумал Ваня, – надо же, прямо в яблочко!»

Он с первой встречи не понравился Ване, этот грек. На входе в столовую остановил Тереховых и принялся лопотать

по-английски, тыча пальцем то в полотенца, которые они прихватили из номера, то в картинки на стенде. Картинки иллюстрировали правила поведения: не бегать, не приводить собак, курить в положенных местах, носить маски и так далее. Догадавшись, чего от них требуют, Тереховы бросили полотенца в бесплатной камере хранения, но грек, который, конечно, был менеджером, причем, судя по всему, старшим, все равно выглядел сердито. Достаточно резко осведомился, из какого номера приперлись нарушители правил. Нет, он просто спросил «Room?», но про «приперлись» и «нарушителей» читалось на физиономии.

– Фо зиро севен, – сказал папа, и Тереховых допустили к олл инклюзиву.

– Вылитая мышь, – шепнула Лиска. – Дядя Мышь.

Ваня рассмеялся. Иногда он обожал сестру. Иногда ненавидел.

Постояльцы набирали еду и рассаживались за сервированные столы. Официанты приносили напитки. Пиво – папе, маме – вино, Ване и Лиске – кока-колу. Официанты и менеджеры были одеты в светло-коричневую униформу, один лишь Дядя Мышь, выделяясь из их массы, носил накрахмаленную белую рубашку и натянутые до грудины черные штаны с такими острыми стрелками, что, казалось, о них можно порезаться. Ваня наблюдал за греком, глотая ледяную газировку.

На вид Дяде Мыше было лет шестьдесят, но двигался он

плавно, как танцор, ни намек на пожилой возраст. Длинные тонкие конечности и непропорционально маленькое туловище, круглый животик и узкие плечи. Седой, лысоватый, острый нос изнутри упирается в плексигласовый экран защитной маски – карантин как-никак. Лицо за прозрачной перегородкой было очень подвижным, оно непрерывно морщилось и разглаживалось, словно мышцы и морщины жили своей суетливой жизнью. Дядя Мышь скользил по столовой, будто на коньках, отдавал указания подчиненным; если кто-то шел к прилавку с яствами без одноразовых перчаток, делал замечание. Крошечные серые глаза метались по курортникам. Наверное, он следил за тем, чтобы у всех были наполнены бокалы, чтобы за клиентами убирались места... Но Ване показалось, комичный человечек выискивает нарушителей.

И таким нарушителем стал сам Ваня. Он пошел к кофе-машине нацедить какао. Дядя Мышь налетел, как порыв ветра, вырос над съезжившимся мальчиком и забубнил, указывая на аппарат. Ваня, получавший по английскому твердые четверки, расшифровал фразу «not good». Он решил, что самообслуживание не распространяется на напитки, нужно просить у официанта, а не вот так внаглую эксплуатировать имущество отеля. Тем более как он сразу не заметил, об этом предупреждали иллюстрации в углу! Ваня покраснел и сконфужено извинился, а Дядя Мышь блеснул булавочными глазами.

«Он меня запомнил», – рассеянно думал Ваня.

На выходе из столовой старший менеджер посмотрел на Тереховых как на личных врагов и разразился негромкой, но злой тирадой по-гречески. Родители ничего не заметили, а Лиска фыркнула: «Расслабься, дедуль!»

У бассейна поджаривались граждане Евросоюза. Загорали на шезлонгах, плескались в воде, перекидывались мячом. Татуированный бармен срезал ножом пенную шапку. Старшеклассники, судя по обрывкам реплик из Германии, проводили стройную Лиску присвистами и чмоканьем. Ваня, опешивший от такого количества иностранцев, поскользнулся и едва не упал на плитку. Немецкие подростки – белозубые и спортивные – разразились обидным хохотом.

Родители взяли пиво, пепельницы и устроились под деревянным навесом. Лиска, жеманничая, спустилась в бассейн. Ваня сел на прорезиненный край и свесил ноги в воду. Его смущало обилие людей, мысли возвращались к Дяде Мыше, а взор натыкался на таблички, развешенные тут и там. Предметы или изображенные действия, перечеркнутые красной линией. Нельзя, нельзя, нельзя!

– Окупись! – крикнула Лиска.

Немцы, те, что зубоскалили, синхронно с разбегу прыгнули в бассейн и обдали Ваню брызгами.

– Не хочу, – надулся мокрый Ваня.

Покупался он в море, и море было чудесным. Родители устроили фотосессию, Лиска сделала сотню однотипных сел-

фи и загрузила десяток в Инстаграм. Пиратский фрегат с Веселым Роджером причалил в гавань, Ваня просился поплавать на нем, но папа сослался на экономию. Не сдался папа и под напором зазывал, которые за руки утягивали прохожих в бесчисленные рестораны, оккупировавшие набережную. Ужинали в «Тавросе». Дядя Мышь шастал по столовой, шурился и морщил нос, словно вынюхивал нарушителей.

Ваня проснулся ночью от ужасного шума. Это цикады устроили за окнами концерт. На соседней койке посапывала Лиска. Ваня сунул голову под подушку, но это не помогло. Скрипучая, какая-то пустотелая песнь цикад заполнила черепную коробку и вымела остатки сонливости. Оркестр под управлением незримого дирижера взметался до крещендо, чтобы распасться на дробные вокализы, дать надежду на затихание и вновь громыхнуть залпом цвириньканья. Ваня дотянулся до телефона и выяснил, что выглядят певчие цикады страшновато. Он встал и поплелся к балкону – закрыть дверь. Родители не разрешали спать с включенным кондиционером из-за того, что Лиска вечно простуживалась, но лучше уж духота, чем эта какофония. Ваня взялся за дверную ручку и остолбенел.

Луна и фонари заливали светом двор. Даже самые беспокойные и загульные постояльцы ушли в номера. Бар закрыт роллетами, шезлонги сдвинуты, убраны столы.

Дядя Мышь бежал вдоль бассейна. Он согнулся в три погибели, как бабушка, когда у той стреляла спина. Руки почти

волочились по полу. Ваня прижался к балясинам и затаил дыхание, словно опасаясь быть обнаруженным. Цикады шумели в кронах деревьев. А Дядя Мышь гнался за крысой. С балкона, с высоты четвертого этажа Ваня разглядел черного грызуна, улетающего по плитке.

«Спасайся!» – подумал Ваня.

Дядя Мышь схватил крысу голой рукой и резко выпрямился. Живое существо извивалось в его пальцах. А через миг живое существо стало мертвым существом. Дядя Мышь сжал кулак, и фантазия Вани озвучила сюрреалистичную сцену хрустом косточек, который Ваня, конечно, не мог слышать.

Сдохлой крысой в горсти Дядя Мышь посеменял к отелю. Оранжевые отсветы плясали на плексигласовом забрале.

Родители не поверили Ване.

– Что за ужасы ты рассказываешь! Тебе приснилось!

– Нет же!

– Хватит, Иван! – отрезал папа. – Тебе тринадцать, а не пять!

В пять лет, как вспоминали родители, Ваня нафантазировал огромного паука, якобы обитающего под кроватью.

– Я тебе верю, – шепнула за завтраком Лиска. Ваня посмотрел на нее с благодарностью. – Странно, что Дядя Мышь ту крысу не слопал, а так унес.

– Может, в норе своей слопал, – предположил Ваня, и хо-

лодок защекотал позвоночник.

Старший менеджер следил за тем, как люди набирают еду. Вдруг он вскинулся и бросился через зал – к миловидной девушке, попытавшейся вынести из столовой кусок арбуза. Дядя Мышь больше не казался Ване комичным с этими высоко натянутыми штанами и залысиной. Талдыча «not good», он указывал то на арбуз, то на дурацкие таблички. «Что такого, – подумал Ваня, – съесть арбуз у бассейна?»

Молодежь – голосистые немцы-старшекласники – заслонили менеджера и девушку. Когда они прошли, Ваня увидел, что девушка удаляется не солоно хлебавши, а Дядя Мышь сжимает отвоеванный арбуз. Смотрит на него и всем видом мурлычет: «моя прелесть».

В море Ваня представлял нору менеджера. В ней висят портреты предков, которые, естественно, тоже были менеджерами. За стеклом – засушенная крыса, кусочек арбуза, полотенца. Дядя Мышь в кресле листает громадную книгу, озаглавленную: «Правила отеля».

Весь день Тереховы курсировали между пляжем и «Тавросом». Мама вздыхала, что с такими обедами потолстеет на десять кило. Папа глотал пиво и благостно улыбался. Лиска снимала ролики для Тик-Тока. А Ваня наблюдал за Дядей Мышью. Как тот спешно перекусывает, уединившись под лестницей, но не забывает посматривать на постояльцев. Как мечется из столовой к бассейну и обратно. Как отчитывает подчиненных и как подчиненные, когда он отворачивается,

устало закатывают глаза. Среди нарушений, предотвращенных Дядей Мышью, была попытка искупаться в шортах и попытка взять на баре два коктейля в одни руки. Причем даже татуированный бармен показал в спину Дяди Мыши язык. Никто не любил этого помешанного на правилах суетливого человечка.

А вечером Дядя Мышь повздорил с Ваниным папой. Бар закрывался в одиннадцать, папа решил запастись алкоголем. Он припрятывал стаканы с джин-тоником под стол. Хитро, но не настолько, чтобы проведи Дядю Мышь. Ваня не удивился, заметив менеджера, спешащего к их семейству. Руки Дяди Мыши были прижаты к туловищу, а ноздри раздувались.

– Not good! One person – one serving!

– Тебе-то какое дело, гестаповец?

Ваня не знал, кто такой гестаповец. Он радовался, что папа теперь тоже не любит Дядю Мышь. А еще он помнил, какими цепкими были пальцы менеджера, сжимающие арбуз. И как красный сок тек по запястью...

Папа возмутился, но Дядя Мышь долдонил про правила и таки победил. Он отобрал лишние стаканчики и под папины сердитые выкрики выбросил их в урну.

– Вы за Гитлера воевали! – рычал папа. Мама гладила его по плечу. Дядя Мышь, гордо вскинув голову, потопал к отелю, а затем побежал, видимо заметив или унюхав кого-то, нарушающего правила.

– Не воевали греки за Гитлера, – сказал Ваня, погуглив.

– Помолчи, – шикнула мама.

На следующий день папа бросил Дяде Мыше сквозь стиснутые зубы, будто проклятие:

– Фо зиро севен!

Но после завтрака Тереховы поехали на экскурсию и про вредного менеджера забыли. Вернулись поздно – ужин кончился, и родители расщедрились на ресторан. Мама и Лиска надели красивые платья, все смеялись и фотографировались, художник у античного фонтана нарисовал портрет Лиски.

Курортный городок кишел цыганскими детьми. Они клянчили евроценты или втюхивали иностранцам бисерные украшения, воздушные шарики и прочую мелочь. Раньше Лиска пугала брата, что родители продадут его в табор.

Смуглая девчонка, ровесница Вани, пролезла на территорию «Тавроса» и предлагала сидящим у бара увядшие розы. Ваня начал мысленно считать.

Два. Три. Че...

Дядя Мышь вылетел из отеля и понесся к девчонке, окольцевал ее запястье и грубо выволок за ограду.

– Not good!

Повинуясь неосознанному порыву, Ваня вышел следом. Была ночь, над крышами сверкали звезды. Родители не остановили Ваню, прилипнув к гаджетам.

Он повертелся на пустынной улице и увидел Дядю Мышь.

Менеджер ташил упирающуюся цыганку к заброшенному зданию.

«В логово...» – мелькнула мысль.

Тени, маленькая и большая, Дяди Мыши и цветочницы, взмыли по белому фасаду. И тут же исчезли. Дядя Мышь вташил добычу в пустой дом.

– Чего ты здесь? – спросила Лиска, подошедшая сзади. Ваня вздрогнул.

– Дядя Мышь... девочку... туда...

– Он маньяк, – сказала Лиска и зевнула. – Идем спать, тебя мама ищет.

Ване приснился сумрачный коридор «Тавроса». Он шел... нет, плыл не по своей воле к распахнутым дверям четырехста седьмого номера. Навстречу прошаркала горничная, горбатая старуха с бородавками на подбородке. Она несла целлофановый мешок. Из мешка на пол капало багровое.

Ваня вплыл в номер, в родительскую комнату. Простыни пропитались кровью. На подушках лежали отрезанные головы мамы и папы. Ваня распахнул рот, но голосовые связки не подчинялись ему. Дядя Мышь поднялся из-за кровати, как кошмарный паук. Рубашка и маска залиты красным, липким и лоснящимся. Красным был рот под экраном, словно Дядя Мышь воспользовался помадой. Губы расползлись, оголяя волчьи клыки.

Ваня проснулся в поту. За окнами надрывались цикады. Но родители мирно спали за межкомнатной дверью, и Лиска

ворочалась рядом. Ваня перевернулся на другой бок.

По пути к пляжу он отстал от семьи и несколько минут изучал белое здание, заросшее сорняком. Покосившиеся ставни, стеклянные двери, замалеванные синей краской. На крыше дырявая цистерна, а во дворе тележка из супермаркета, забитая пластиковыми баклажками. Как долго Дядя Мышь был внутри? И что стряслось с цветочницей? Он же отпустил ее, попугав?

Не отпустил.

Ваня представил цыганку: засушенную, возле других трофеев.

Из «Тавроса» вывалились гогочущие немцы. Вчера они нарочно забрали последний надувной матрас, к которому Ваня шел.

«Придурки!» – Ваня поспешил ретироваться.

Позже в бассейне он подплыл к сестре.

– Может, в полицию обратиться?

– Ты про ту девочку? Да я же прикалывалась. Ну какой он маньяк? Просто помешан на своей работе. Фанат порядка.

– Но... – Ваня поник. Лиска взъерошила его волосы, как делала очень редко. И Ваня решился: – У Дяди Мыши глаза на затылке. Он знает, когда правила нарушают.

– Проверим? – Лиска хитро улыбнулась.

– Как?

– Писать в бассейн запрещено?

– Конечно!

– Но я писаю в него прямо сейчас.

Ваня посмотрел ошарашенно на сияющую сестру.

– Нет!

– Да! И никто мне не указ!

Лиска оттолкнулась от бортика и поплыла на глубину. Ваня обернулся. Взор уперся в Дядю Мышь. Менеджер стоял в тени сосны и с ненавистью тарачился на Ваню. Кулаки стиснуты, а крошечные глазки налиты кровью. У Вани закружилась голова...

– Перегрелся? – хлопотала мама.

– Может, солнечный удар? – волновался папа. – Ноги ему подними. Подложи подушку. Не тошнит?

– Все нормально...

– Нормально! Ты весь двор облевал!

– Меня накажут? – спросил Ваня слабо.

– Никто тебя не накажет, глупый. – Мама положила на грудь мокрое полотенце. – Отдыхай.

Родители ушли. Лиска скользнула к кровати:

– Ты чего? – прошептала встревоженно.

– Он знал, – обреченно ответил Ваня. – Он смотрел на нас, он знал, что ты пописала в воду.

– Ты реально перегрелся, Ваню. – Лиска похлопала брата по плечу.

– Будь осторожна, – сказал он.

Вскоре Ваня почувствовал себя гораздо лучше, но с по-

стели встал только под вечер. Отказался от ужина – аппетита, мол, нет – и тайком слопал яблоки, завалившиеся в мамин сумке. Но к бару выполз – сегодня там был аншлаг, гремела музыка, на импровизированной сцене выступал чернокожий аниматор в серебристом костюме. Он пел красивым баритоном, вихлял бедрами и одаривал зрителей африканской улыбкой, а позади танцевали красивые девушки в очень коротких юбках, с голыми животами, усеянными блестками. Отдыхающие тоже пустились в пляс, а Ваня залюбовался танцовщицами.

– Глаза сломаешь, – сказала ему Лиска.

Мама с папой закружились под фламенко. Танцевали они нескладно и все равно были красивыми, какими-то ужасно молодыми, словно бы ненамного старше дочери. Через полдюжины песен в исполнении заводного аниматора Ваня осознал, что уже давно хочет по-маленькому и ерзает на стуле. Он продрался сквозь толпу, прошагал по безлюдному коридору на первом этаже «Тавроса» в туалет. И, лишь намывливая руки под краном, вспомнил Дядю Мышь. Вокруг сверкал кафель, что-то монотонно гудело, как в пещерах, которые они посещали во время экскурсии. Флуоресцентная трубка над головой зажужжала и замигала. Паника накатила удушливой волной. Спотыкаясь, Ваня выскочил из туалета, заметил табличку «Don't run» и, подавив желание бежать, пошел на ватных ногах к выходу, к музыке и возбужденному многоголосью.

Концерт окончился. У бара блондинка-танцовщица сердито возмущалась и жестикулировала в сторону щерящихся подростков-немцев. Лиска пояснила:

– Тот немецкий идиот ее по заднице шлепнул. И где твой Дядя Мышь, когда он действительно нужен?

– Вон он, – сипло ответил Ваня.

Старший менеджер сидел на корточках на деревянной кровле бара и смотрел вниз горящими в темноте глазами.

Ваня порывисто толкнул сестру. Та ойкнула.

– Опять за свое? Где, на крыше? Ты, случаем, не допиваешь после папы пиво?

Дядя Мышь пропал, и это не удивило Ваню. Ваня знал: менеджер не совсем человек. Или вовсе не человек.

Ночью Ване приснился отвратительный сон. Словно он просыпается, разбуженный цикадами, и видит Дядю Мышь. Менеджер пробрался в комнату, отворив дверь запасными ключами. Он стоит у изголовья Лискиной кровати, озаренный светом луны. Торжественная гримаса под забралом. Ширинка черных брюк расстегнута и наружу торчит его писька, похожая на дохлую лабораторную мышь, мышь-альбиноса. Ваня не мог пошевелиться, лежа на боку он смотрел, как менеджер, поднатужившись, мочится. Желтая струя разбивается о безмятежное лицо дрыхнувшей Лиски.

Тьма заволокла ужасную сцену. Кошмар сменился темнотой.

Утром Лиска была подавленной и замученной, игнориро-

вала вопросы родителей и дважды вымыла волосы. Ваня не решился рассказывать ей про сон. Сон ли?

За завтраком он поглядывал на притихшую компанию немцев. Одного нарушителя порядка не хватало. Ваня представил его заспиртованную голову в подвале заброшенного дома. Он вынул телефон и быстро сфотографировал Дядю Мышь, крадущегося между столиков.

Про немца Тереховым рассказала русская женщина, занимающая в «Тавросе» должность гестрелейшена.

– Вот и отдохнул! – сказала она. – Ночью напился до соплей, пошел бродить, видно, в яму какую упал – сам он ничего не помнит. Вся пятая точка – сплошной синяк. Отправили в больницу, сидеть он долго не сможет.

Лиска перехватила взгляд Вани. Она хмурилась.

– Скажите, – обратилась Лиска к женщине, – а менеджер этот, пожилой, с таким носом смешным, он нормальный?

– Лучший в Греции! – уважительно проговорила гестрелейшен.

На пляже Ваня спросил Лиску:

– Поверила?

– Что Дядя Мышь маньяк-экстрасенс? Нет, конечно. Но он мне не нравится.

Ваню осенило: Лиска борется с правдой, ведь правда пахнет бредом.

– Дети, – сказал папа, вручая Ване и Лиске купюры по десять евро. – Мы с мамой вечером в клуб намылились, вам

туда нельзя. Справитесь без нас?

– Ага, – сказал Ваня. – Только вы ведите себя... правильно.

Папа засмеялся.

Проводив родителей, младшие Тереховы уселись с картами на кровать, но игра буксовала. За окнами только-только стемнело, гремела музыка, от бара несся пьяный гвалт, и все же возникало ощущение, что Ваня с Лиской в «Тавросе» одни-одинешеньки.

– Ерунда какая-то! – Лиска зло отшвырнула карты. – Где твои фломастеры? Дай любой. Идем!

– Куда?

– Докажу тебе, что это чушь собачья.

«Мне или себе?»

Тереховы вышли из номера. В коридоре было очень тихо. Не считая сквозняков, завывающих поблизости.

– Не надо, – пискнул Ваня, сообразив, что сестра замыслила.

– Надо, – отрезала она и написала на стене красным маркером: «Правила отстой! Хаос!».

– Это нарушение правил? – спросила она злорадно. Ваня сглотнул. – И где же Дядя Мышь? Дядя Мышь, ау!

Ваня вспомнил, как пару лет назад, дабы напугать брата, Лиска вызывала Пиковую Даму и рисовала помадой лесенку на зеркале.

– Что и требовалось доказать, – подытожила Лиска и уда-

лилась в номер. Ваня поспешил за ней, но на пороге замешкался. В шахте лифта заскрежетало. Допотопная кабинка остановилась на четвертом, на их этаже. В конце темного коридора, за поворотом, чья-то рука отворила складчатую дверь. Фантазия нарисовала менеджера, несущегося к нарушителям.

Ваня отшатнулся в ложную безопасность номера фо зиро севен и заперся.

Ночью родители знатно покутили, на шезлонгах они в основном дремали. Завтра загорелые Тереховы возвращались на родину. Ваня был счастлив покинуть «Таврос».

Лискина надпись исчезла со стены. Но как Дядя Мышь стер память задиристу немецкому студенту? И сколько еще хулиганов были им наказаны за долгие годы службы? Людям свойственно идти против правил. Туристы, улетающие домой в гипсе... Пропавшие без вести туристы...

Ваня улизнул и прогулялся по променаду к античному фонтану, к уличному художнику. Объяснял жестами и куцыми фразами. Художник выслушал и, как ударник барабанную палочку, прокрутил в пальцах карандаш: «Окей».

Обедая, ужиная, Ваня следил за Дядей Мышью. А Дядя Мышь следил за беспечной Лиской. Под экраном плексигласовой маски клокотал праведный гнев. Менеджер таился в фигурных кустах у бара и в тени под лестницей, однако не смел атаковать при родителях.

Папе сошло с рук препирание с Дядей Мышью, но Ваня понимал: преступление Лиски куда серьезнее. Лиска... как его... рецидивист.

Чемоданы были упакованы, родители, погрузив насчет слишком короткого отпуска, выключили в своей комнате свет. Ваня задумал подпереть чем-то дверь, но сперва пусть все заснует. Он же твердо решил не ложиться спать сегодня. Лиска листала фотографии, а он вглядывался в полумрак, вслушивался в хор цикад, боролся с дремо...

Ваня подскочил резко.

Кровать сестры была пуста. Вопль застрял в горле. Дядя Мышь уволок Лиску в заброшенный дом!

Ваня заметался по комнате. Вывалился на балкон.

И увидел белый слитный купальник сестры. Лиска как ни в чем не бывало плавала в бассейне. Ночью! Когда плаванье строжайшим образом запрещено!

Проскользнув мимо похрапывающих родителей, Ваня на цыпочках вышел за дверь, потом побежал во весь опор вниз по лестнице, тараня грудью преграды теней. Цикады галдели в кронах. Ветерок обдувал вспотевший лоб. Пустой двор, сдвинутые шезлонги...

– Ты что делаешь?! – выпалил Ваня, подбегая к бассейну.

– Не ори! – отозвалась Лиска. Она вынырнула из воды и уцепилась за бортик. – Всегда мечтала поплавать здесь одна. А ты, – она сощурилась, – ты что же, испугался, что меня

Дядя Мышь украдет?

– Пойдем отсюда, пожалуйста, – взмолился Ваня и обвел взором кусты: за каждым мог прятаться старший менеджер.

Лиска кивнула. Держась за перила, взобралась по ступенькам. Ручейки стекали по ее ладному телу, и Ване пришла в голову непривычная мысль, что сестра у него красивая, хорошая у него сестра.

Дядя Мышь выскочил из воды, подняв фонтан брызг. Он хоронился на дне, затаил дыхание и ждал. Он был терпеливым, если дело касалось наказания. Лиска начала поворачиваться. Дядя Мышь схватил ее за шею, и они оба упали в бассейн.

Ваня вскрикнул жалобно. Он кружился на суше, бессильно пялясь в воду, зовя сестру по имени. И сестра откликнулась, вынырнула посреди бассейна и быстро поплыла к Ване. Он подал руку, вытащил Лиску из воды. Цикады, вступив в стовор с менеджером, заглушали шум. Постояльцы спали в своих номерах.

Лиска отплевывалась и ругалась. И вдруг замолчала, уставившись на бассейн. Дядя Мышь вылез с противоположной стороны, отираясь о плитку туловищем, как животное. С рубашки, брюк, с волос обильно текло. Выгнув суставы, так что раздался хруст, на четырех конечностях менеджер побежал за нарушителями. Локти торчали вверх – ладно! Но вверх торчали и его острые колени.

Лиска и Ваня ринулись к отелю. В коридор, по скользкому

полу в вестибюль, где не было ни души.

Дядя Мышь опередил их. Не на четвереньках, а выпрямившись во весь рост, он вылетел из темноты и отрезал доступ к лестнице. Его руки были прижаты к телу и согнуты в локтях. Пальцы сгибались и разгибались. Тонкие губы разошлись, обнажая частокол белых зубов.

Лиска затравленно всхлипнула. Тень Дяди Мыши накрыла собой нарушителей порядка. Существо явилось из мрака, чтобы бороться с хаосом, и именно хаос представляли собой нерадивые туристы.

– Стой! – воскликнул Ваня. В отчаянной попытке спастись он ткнул пальцем в угол.

Дядя Мышь посмотрел туда, куда указывала дрожащая рука Вани. Серые брови встали домиком.

На стенде, знакомящем постояльцев с правилами отеля, появилась новая иллюстрация. Ваня прищипил ее мамиными заколками пару часов назад. Уличный художник набросал рисунок, опираясь на фотографию в Ванином мобильнике. Карикатурный, но узнаваемый портрет Дяди Мыши. Его длинный нос и маленькие глазки. Портрет обрамлял красный круг. Красная полоса перечеркивала физиономию по диагонали. Как перечеркивала она изображения еды и сигарет на соседних картинках. Отныне Дядя Мышь был запрещен.

– Not good! – сказал Ваня.

Лицо старшего менеджера вытянулось за маской. На нем

читалось осознание. Сначала шок, после – принятие неизбежного. Руки опустились, весь он стал будто бы меньше. Пятна пота проступили на белоснежной рубашке. И внезапно Ваня испытал жалость к этому человечку, заиклившемуся на правилах.

Правила говорили, что Дяде Мыше не место в отеле.

– Not good, – прошелестел менеджер смиренно. И пошел прочь. Разом постарев на двадцать лет, он шаркал подошвами и кренился в стороны. Свернул за поворот и пропал из виду. Лиска смотрела сквозь растопыренные пальцы, ничего не понимая.

– Ванечка, – прошептала она. – Кто он такой? *Что оно такое?*

Ваня облизал губы и бросился за менеджером. Выбежал из отеля, отметив походя, что цикады замолчали. Ссутулившаяся фигура брела за оградой. В ее существовании больше не было смысла. Сам не зная зачем, Ваня устремился следом. Он оказался на пустой улице, а Дядя Мышь уже подходил к дому с покосившимися ставнями. Он действительно уменьшился. Он был не выше Вани. Рубашка обвисла складками, а штаны и вовсе валялись в пыли возле ржавой тележки. Бледные голые ноги Дяди Мыши выглядели до странного трогательно. Ваня забыл про крысу и про цыганку, вообще забыл про свой страх перед менеджером.

Он протянул руку, словно собирался утешить Дядю Мышь. Замерев на замшелом крыльце, маленький старичок

посмотрел на отель, который отверг его после стольких лет преданной службы. Он тяжело вздохнул и скрылся в недрах здания.

«Ушел на пенсию», – подумал Ваня грустно.

Дверь захлопнулась.

Ваня остался один на улице. Снова запели цикады.



# Астероидная готика.

*Дмитрий Николов*

– Давай, подцепляй консерву. Да не так, болван. Дай мне! – Лиза выхватила из рук мужа манипуляторы и принялась ловко выкручивать их в разные стороны.

Механические лапы старого мусорного буксира нехотя повиновались, подтянув разбитый челнок для одиночного исследования почти вплотную.

– Алекс, запускай камеру. Посмотрим, с начинкой или нет. Только внимательней, не хватало притащить сюрприз, как в прошлый раз.

Муж протиснулся к соседней приборной панели и запустил в черноту за разбитым иллюминатором многосуставчатую руку с глазом-шаром на конце. Щелчок тумблером подсветки – и маленький рябой экранчик вспыхнул зеленоватым светом.

– Есть, – выдохнул он наконец.

– Один или... – не оборачиваясь, буркнула Лиза.

– Или.

– Черт!

Лиза зафиксировала добычу и, бросив рычаги, перегнулась через плечо мужа.

В шартрезовой дымке подсветки, распыляющей космиче-

ский мрак, парил заиндевший труп. Камера-глаз проплыла мимо искаженного судорогой мужского лица и уперлась в лицо его спутницы, зависшей вниз головой. Волосы женщины – серебристые ломкие кудри – напоминали замерзший водопад. Камера поползла вверх и замерла на уровне груди, к которой женщина прижимала крошечный детский скафандр.

Лиза громко выдохнула и отвернулась.

– Я пришвартую груз, а ты вытряхни их оттуда. Неохота опять по прилету отскребать останки перед сдачей.

Алекс тихо выругался, встал с откидного стульчика и, оттолкнувшись, полетел в хвост. Гравитационные кубы у них закончились еще несколько месяцев назад, поэтому приходилось жить и работать в тоскливой невесомости. Цепляясь за переборки, он миновал спальные койки, разделенные коридором. Всего полметра, а тебя будто отделяет от собственной жены вся Солнечная система. Сразу за хозяйственным отсеком с кухней, туалетом и давно не работающей душевой находился шлюз.

– Подстрахуешь? – просяще протянул Алекс и, не дождав-шись ответа, проплыл за толстую дверь с губкой уплотнителя по краям.

Закручивая вентиль изнутри камеры, в крошечное окошко иллюминатора он видел равнодушную спину жены.

Зачистка заняла немало времени. Пришлось плазменным резакон прорезать лаз в обшивке, разжать прорезь при по-

мощи ключа-мультипула и выдернуть через него тела одно за другим, подцепляя крюком на телескопической ручке. Продельвая уже привычные манипуляции, Алекс думал о том, что в древности моряки хоронили погибших по пути прямо в море. Рыбы съедали тело до косточек, и человек вносил свой скромный вклад в удобрение планеты. Да, так, наверное, даже лучше, чем в деревянном ящике под землей в компании червей. Впрочем, даже там ты не оставался один. Сейчас же, если не повезет быть сожженным в одном из орбитальных крематориев, путешественники находят свой последний приют в космосе.

Просто умереть от старости – самый неприятный исход. Сгниешь в тепле корабля, растечешься по всем поверхностям, протечешь в приборы. Если разгерметизация – превратишься в статую, замороженный кусок мяса, и так будешь лететь сквозь космос. В этом путешествии, может, и есть своя красота, но нет никакого уюта. Только одиночество и полная ненужность. Разве что повезет войти в атмосферу, вспыхнув на долю мгновения, чтобы какой-нибудь мальчишка увидел «падающую звезду». Нет, одному лететь через эту черноту отвратительно. Впрочем, вдруг есть и в космосе свои падальщики? Невидимые глазу, неразличимые на радарх, они сопровождают наши корабли в надежде...

Алекс обернулся. Неприятное чувство. Выдумаешь какую-нибудь глупость, а потом сам в нее и поверишь. Космос был неизменно пуст и равнодушен к пришельцам. Нет, так

их нельзя. Вытаскивая тела одно за другим, Алекс прибивал их одежду к обшивке при помощи пневматического молотка. Это наверняка выглядело странно со стороны, но, к счастью, никто, кроме Лизы, подсматривать за ним не мог. Когда вся семья «выстроилась» в рядок, Алекс, стараясь не смотреть в лица, примотал тела друг к другу куском оплетки. Издалека могло показаться, что любящие родители, обнявшись, склонились над своим чадом. Закрепив узлы для надежности монтажным клеем, мусорщик что было сил толкнул мертвецов в космическую безбрежность.

Когда Алекс выплыл из шлюза, Лизы за пультом уже не было. Обтерев, насколько это было возможно, пот влажным полотенцем, он направился к койке, где пристегнул себя ремнями для сна в условиях невесомости. Через коридорчик, на соседней койке, лежала, отвернувшись к стенке, жена. Она уже давно не была такой, как на свадебной фотографии, висевшей сейчас у Алекса над головой, но растянутый на широких бедрах комбинезон с отстегивающимся для отправления естественных надобностей прямоугольником гнал всякий намек на сон. Поворочавшись несколько минут, Алекс не выдержал и протянулся к жене через проход, аккуратно погладив мягкое.

Лиза в ту же секунду обернулась; по взгляду ее было понятно, что она ни на секунду не смыкала глаз.

– Чего тебе не спится?

Алекс ненавидел объяснять, почему он хочет собствен-

ную жену, а главное – зачем хочет. Он уместился обратно на койку и набросил на грудь ремень. Слезы обиды подкатили к горлу. Лиза долго смотрела на него, прежде чем заговорить.

– Надо было меньше возиться с трупами. Тебе за это не платят. Устроил какие-то дочки-матери в открытом космосе.

– Другие дочки-матери мне все равно не светят.

– Не надо только на меня валить сейчас. Я не меньше тебя хочу... хотела ребенка. Как мы с тобой мечтали – девочку. Но ты сам слышал доктора – в невесомости шансов у нас почти нет. А просто так... Я не хочу. Ничего уже не хочу. Осточертела эта жестянка. – Лиза со злостью ударила кулаком в простенок. – Я уже не мечтаю о Земле, но хотя бы на каком-нибудь спутнике занюханной планетки на краю галактики...

– Наш вклад... – тихо попытался возразить Алекс.

– Вклады уже давно не приносят прибыли, и ты знаешь это не хуже меня, – оборвала его жена. – Хлама в космосе все меньше, а бедняков, вроде нас, промышляющих его выловом, все больше. Однажды мы закончим, как эти трое. И зачем тогда вообще ребенок? Чтобы нас троих нашли какие-нибудь мусорщики? Только вряд ли они станут церемониться, как ты сегодня...

– Значит, ты видела?

– Видела. Только зря это все. После смерти семья уже никому не нужна.

Алекс хотел возразить, но понял, что нечем. Возбуждение

сошло на нет, и внезапно навалившаяся усталость, которая в невесомости давила откуда-то изнутри, утащила его в сонное беспамятство, пустое, как окружавший маленький мусорный буксир космос.

\* \* \*

Разбудил обоих сигнал автоматического оповещения. Протирая глаза больше от удивления, чем от сна, муж и жена склонились над матовой голографической сферой, куда сканер выводил полученные результаты. Астероид, с которым они сблизилась на обратном пути, полыхал всеми цветами радуги.

– Может быть, ошибка? – Алекс ввел уточняющие данные, чтобы минимизировать погрешность, но результат остался неизменным.

– Черт дери, да там десятка два кораблей с просроченными позывными или вовсе без них.

– Но, если верить карте, этот астероид никогда не колонизировали.

– Из-за твоей доверчивости я и живу на мусорном буксире. Меняй курс.

– А ты не думаешь, что это довольно странно? Я бы даже сказал, подозрительно. Ничем не приметный астероид, упоминаний о котором в официальных источниках кот наплакал, собирает целый флот кораблей...

– Господи, за какого же труса и идиота я вышла замуж! – Лиза нависла над мужем, упираясь пятками в потолок; глаза ее горели огнем. – Это может быть что угодно. Нелегальная свалка, законсервированная и забытая двести лет назад, стоянка, коммуна вымерших сквоттеров, нелегальные добытки родия, перебитые властями. Мне, знаешь ли, абсолютно плевать. Но там, – жена проткнула пальцем голограмму, – лежит прорва денег. Мы столько за год не зарабатываем. И если ты сейчас же не переменишь курс, в следующий раз, когда ты выйдешь в космос, я просто заблокирую шлюз изнутри.

Алекс мог набить морду любому обидчику, но слова Лизы всегда обезоруживали его, заставляли сжиматься, словно от ударов. Все аргументы приходили к нему обычно, когда спор уже заканчивался не в его пользу. Вот и сейчас он молча отвернулся и стал вводить новые координаты. К тому же в глубине души Алекс знал – жена во многом права. Даже этот жалкий буксир они смогли выкупить благодаря ей. Иначе ютились бы сейчас на какой-нибудь станции для приема нищих переселенцев, какими были их с Лизой родители.

Следующие несколько временных циклов прошли на удивление быстро. Лиза выглядела почти счастливой, снова и снова подсчитывая возможную прибыль. По ее выкладкам выходило, что они смогут позволить себе небольшой домик в колонии на одной из лун. Не Земля, но и не душегубка космической консервы. Алекс же, порой поддаваясь ее весело-

сти, тем не менее не мог отогнать от себя тревожные мысли. Вся его жизнь учила лишь одному правилу – бесплатно ничего никому не достается, а такой куш и подавно. В лучшем случае они наткнутся на вооруженную охрану, а в худшем... Что может быть хуже, Алекс так и не придумал, но от этого становилось только тревожнее. Состояние тоскливого душевного зуда достигло пика, когда они приблизились к астероиду. Заметив это, Лиза взяла основное управление на себя, оставив мужа следить за приборами.

Внутренних размеров астероид тонул в фиолетовой дымке. Если верить приборам, где-то там, внизу, их ждет богатство. Чета мусорщиков пристегнулась и переключилась на маневровые двигатели. Снизившись – торможение прошло в шадящем режиме – они вели буксир параллельно поверхности астероида. Под ними проплыли острые гребни невысоких гор, сменившись безжизненно-ровной степью. Алекс сверился с приборами и удивленно выглянул в иллюминатор.

– Скопление должно быть прямо перед нами, но я не ви...

– Черт подери! – Лиза перебила мужа, но тот и сам уже потерял дар речи.

Буксир парил над краем глубокого кратера, в котором клубился сапфировый туман, но даже отсюда можно было видеть множество кораблей самых разных конструкций, принадлежавших к разным эпохам освоения космоса: от новейших до древнейших, заставших первую колонизацию

космоса и даже...

– Алекс, запусти сканирование, я пока зайду слева.

Алекс застегнул на запястье портативный консультант и отдал команду, получив через несколько мгновений данные.

– Фиксирует троих живых. Больше никого. Я же говорил...

– Плевать. Я сажусь. И лучше тебе не спорить со мной сейчас.

Вздымая облака синей пыли, Лиза посадила буксир аккуратно, как по учебнику; пришвартованный груз плавно – низкая гравитация была им на руку – опустился рядом. Супруги надели комбинезоны, защелкнули на шее стеклянные колпаки и вышли в шлюз. Прыжок, мягкое приземление – и вот они уже идут по «улочке» между домами-кораблями. Не умея сдерживать удивления, переходящего в детский восторг, Лиза воскликнула:

– Я думаю, это музей! – ее голос, искаженный радиоволнами, звучал под колпаком мужа.

– Вряд ли. Это больше похоже на кладбище. Старинное кладбище, какие были на земле до перенаселения. С богатыми надгробьями или даже склепами. Помнишь, недавно кино смотрели...

– Смотри! – Лиза, как обычно, оборвала его, не дослушав. – Это новейший частный межпланетный транспорт премиум класса. А в третьем ряду слева угловатый кирпич – это модульный шахтерский разведчик старого образца, пару лет

назад буксировали такой.

– Справа почтовый экспресс-одиночка, – Алекс понял, что, если не подыграть жене, будет хуже.

Лиза не терпела, когда кто-то радовался, пока она грустила, и тем более грустил, пока радуется она. От этого настроение портилось сначала у нее, а потом у всех окружающих.

Супруги миновали почтовый плевочек – эллипс под полупрозрачной крышкой – и двинулись дальше. Здесь господствовали корабли прошлого века: устаревшие остроносые ракеты на ядерной тяге с треугольными направляющими и круглыми иллюминаторами; сплюснутые диски, вдохновленные идеями об инопланетных тарелках; вытянутые «сигары» той поры, когда верили в необходимость обтекаемых форм для космических судов. Военные корабли, грузовички, спасательные шлюпы – чего здесь только не было. С каждым шагом пришельцы будто погружались глубже в прошлое, столетие за столетием: композиты и пластик уступали место тяжелым металлическим каркасам, прочные и тонкие кристаллические иллюминаторы – толстым каленым стеклам, аккуратные силовые установки – огромным соплам топливных двигателей. Время от времени Алекс направлял на особо необычный корабль покоящийся на запястье консультант и читал краткую справочную сводку: двадцать второй век, двадцать первый, двадцатый...

Но самое главное удивление ожидало их в конце импровизированной улочки, где сканер обнаружил признаки жизни.

Еще с воздуха супруги заприметили огромную ракету невиданной конструкции, но лишь на поверхности осознали масштаб, когда ее очертания выплыли им навстречу из тумана. Квадратная ракета из металла, цветом схожего с бутылочным стеклом, тянулась ввысь, увенчанная конической крышей с небольшим шпилем, как башня из старинных кинофильмов. В центре ее красовался иллюминатор – красивое плетение витражного узора, стилизованного под костельную розу. Слева и справа виднелись крошечные, похожие на бойницы, стрельчатые оконца. По бокам к башне прилегали две гондолы, выступающие как эркеры – портативный консультант помог с подбором нужных терминов. Между ними замковым мостом спускался к гостям трап корабля. Если бы супруги не знали, что находятся посреди безымянного астероида, они могли бы подумать, что заблудились в тумане пространства-времени и вышли теперь к замку где-нибудь посреди старой Европы.

Алекс поймал себя на мысли, что он никогда не был не то что в Европе, а даже на Земле, но благодаря многочисленным фильмам, рекламе и картинам с детства был окружен флером места, которого могло попросту не существовать. Он ведь не видел своими глазами ничего, кроме тесных кабин переселенческой станции и мусорного буксира. Теперь же эта удивительная неоготическая ракета, чудом найденная ими на одном из тысяч встречных астероидов, парадоксально стала его связью с реальностью. Она существовала на са-

мом деле. Попирая мшистую пыль, она тянулась к черному небу, как наставительно воздетый палец.

Супруги замерли у подножия, не решаясь ступить на трап-крыльцо, освещаемое солнечно-желтыми старинными газоразрядными фонарями. Лизе на мгновение показалось, что за стеклом розы стоит кто-то невысокий и смотрит на незнакомцев. Она отвернулась, чтобы кликнуть мужа, но когда Алекс проследил за взглядом жены, в иллюминаторе уже никого не было. Зато стал зажигаться свет в других окошках от низа до верха. Когда вспыхнуло последнее, у самого носа ракеты, в шпиль над ним ударила, рассыпая искры, ослепительно-яркая молния. Супруги не могли услышать, но кожей почувствовали громогласный треск, инстинктивно прикрывая глаза.

Первое, что они увидели после вспышки – приглашающе распахнувшаяся над трапом дверь шлюза. Алекс покачал головой, но Лиза уже шагала к металлической двери, гравированной цветочным орнаментом и с покачивающимся над ней шаром, где, бросая на стены тени, гуляли разноцветные плазменные молнии.

\* \* \*

– И вправду замо́к...

Лиза зачарованно водила головой из стороны в сторону, переводя взгляд с каминной полки на кресла, с кресел на

портьеры, а с портьер на развешанные тут и там картины. Все здесь выглядело старинным, если не ветхим, но благородные ткани, даже залоснившись, выглядели утонченно, а патина на столовом серебре в серванте делала его еще изящнее. Алекс же всматривался в лица хозяев этого странного жилища. Немолодая пара в домашней «земной» одежде – никаких тебе комбинезонов, и девочка лет двенадцати.

Хозяин был лыс и кустист бровями, походя сухощавым вытянутым лицом не то на пастора, не то на зубного врача. Губы его, даже пытаясь изобразить гостеприимную улыбку, стягивались сами собой в ниточку, черные глаза блестели за круглыми очками в тонкой оправе. В руке он сжимал вилку, которую, видимо, захватил с обеденного стола и, не зная куда ее девать, держал теперь перед собой. Хозяйка, жавшаяся к нему справа, казалась скорее растерянной, или даже испуганной, эффект усиливали черты наивного овального лица – близко посаженные голубые глаза, нос-капля, скошенный подбородок с ямочкой; приглаженные русые волосы делил посередине пробор.

Но примечательнее всех была девочка.

Чудесное создание в детском платьице старинного фасона, пошитом из орбитальных комбинезонов. Она не могла устоять на месте, подпрыгивала, словно электрическая игрушка – нельзя было представить, что она появилась на свет от двух столь тоскливых на вид родителей. Локоны-пружинки, ниспадающие на плечи, сжимались и разжимались. Но

самым удивительным, пугающим и притягательным было то, что все волосы на ее голове были седыми.

– Ваш корабль не в порядке? – вместо приветствия встретил гостей вопросом хозяин.

– Почему вы так решили? – натянуто улыбнулся Алекс, чувствуя разлитую в воздухе неловкость.

– Просто... Редко кого встретишь в наших краях.

– А так и не скажешь. – Лиза наконец вышла из созерцательного ступора. – У вас тут целый музей.

– Музей? Ах да, пожалуй, и вправду музей. Хорошо, что корабль в порядке, но если мы можем еще чем-то помочь...

– Будем очень благодарны. У моего мужа, – Лиза строго зыркнула на Алекса, – приступ космического ревматизма. Ему срочно нужно побыть в условиях гравитации, а гравикуб на нашем буксире давно вышел из строя.

– Этот астероид не принадлежит никому, вы можете оставаться на нем сколько угодно.

– Папочка! – Пепельный вихрь кудрей вспыхнул, вынырнув между родителями, детские пальчики настойчиво обхватили отцовское запястье. – Пускай эти люди останятся у нас! Наверняка на их стареньком кораблике нет даже душа...

– Разве это удобно? Мы с нашими причудами быстро наскучим гостям.

– Пустяки, мы были бы очень благодарны. – Лиза взяла быка за рога. – Удобств на нашем буксире и вправду никаких.

Хозяин строго посмотрел на девочку, но та была само миление – просяще сложенные ладошки, влажные бусинки глаз. Хозяйка, казалось, вообще чувствовала себя лишней, она готова была смотреть себе под ноги вечно, лишь бы не встречаться глазами с гостями.

– Что ж, прекрасно. Мы всегда рады гостям, особенно в такой глуши, где редко встретишь человека. Я – Гюнтер, мою жену зовут Елена, а этот чудесный ребенок – Виктория, Вики. Приготовьтесь, она доставит вам немало хлопот.

Гости в свою очередь представились, уверили хозяев, что они очень любят детей и сами постараются не досаждать никому сверх меры. Когда они вновь ступили на пыльную улочку – нужно было взять на корабле самое необходимое – Алекс дал волю чувствам.

– Если очень хочется, ври впредь о *собственном* здоровье. И что мы, черт дери, будем делать в чужом доме?

– Не знаю пока. Сначала примем душ, отдохнем в этих креслах, поужинаем за столом как люди... – Лиза мечтательно закатила глаза.

– А потом?

– Потом я узнаю, можно ли пожить всем этим металломом. Не зря же мы сделали такой угол.

– Ты ведь не собираешься воровать у них?

– Нет, пока нет.

После дворца-ракеты их приземистый угловатый буксир показался супругам отвратительной хибарой. Алекс заранее

дал команду консультанту, но шлюз не спешил открываться.

– Что там?

– Выбивает ошибку. Не опознает нас как хозяев. Ладно, открою вручную.

Выйдя из шлюза, приклонив голову, стараясь не приложиться о низкие потолки, супруги как будто впервые увидели место, где происходило с ними то, что они по ошибке принимали за жизнь.

– Черт, как же здесь отвратительно пахнет. Неужели мы обычно этого не замечаем? – Лиза передумала и пристегнула колпак обратно к комбинезону.

Собрав вещи, уместившиеся в один мешок, они без сожаления покинули буксир.

\* \* \*

Вечер прошел тихо. Гюнтер и Елена сказали, что они уже отужинали по собственному времяисчислению, и отправились спать. Кормить гостей, размякших от банных процедур – в доме стояла настоящая ванная на львиных лапах! – вызвалась Вики. Девочка накрыла небольшой восьмиугольный столик в гостиной-прихожей, усадив Лизу и Алекса в кресла. В имитирующем камин застеколье от электрода отлетали разноцветные молнии-всполохи. Верхний свет был приглушен, лишь на столе в подсвечниках горели теплым, почти свечным светом старинные радиолампы. На кружевных, хоть

и выдавших виды салфетках появились две склеенные фарфоровые тарелки, кувшин с водой и почерневшие от времени ложки.

Алекс постоянно озирался по сторонам, не веря в то, что все это происходит на самом деле. Он смотрел на картины – наивные пасторали сменялись супрематическими абстракциями, на резные балясины лестницы, ведущей наверх, на тяжелый книжный шкаф в углу. Ему хотелось первым делом перейти к расспросам, но из миски так вкусно пахло свежими овощами, пусть и разведенными с питательной смесью. К тому же Вики была не менее любопытна, чем гости, – она прямо-таки засыпала Алекса и Лизу вопросами.

Устоять перед детской непосредственностью было решительно невозможно, и спустя час гости, хотели они того или нет, рассказали девочке всю свою жизнь. Любые попытки ответных расспросов она пресекала одной отмашкой и неприкрытым смехом, чтобы снова засыпать супругов своими вопросами. Ее интересовали самые скучные подробности вроде тех, куда транспортируют найденные корабли, как их разбирают, что ценится больше всего и, в первую очередь, почему у двух симпатичных, молодых еще людей нет ребеночка. Лиза скривилась и сделала вид, что очень увлечена собственными ногтями, поэтому отдуваться пришлось Алексу.

– Понимаешь ли, человек, проживший всю жизнь в невестомости, имеет некоторые трудности с...

– Воспроизводством потомства, – с видом знатока выр-  
чила взрослого Вики.

– Можно сказать и так, – грустно улыбнулся Алекс. – Сей-  
час мы надеемся скопить немного денег, чтобы попробо-  
вать осесть на какой-нибудь из планет. А там, может, и по-  
лучится, само собой.

– А если не получится? В мире ведь наверняка есть дети  
без родителей...

– Мы стараемся не заглядывать так далеко. Для совсем  
юной девочки тебя тревожат серьезные вопросы. Ты... Твои  
волосы... – Алекс понял, что позволил себе лишнего.

– Мне пришлось рано повзрослеть, – серьезно сказала Ви-  
ки и, не выдержав дольше секунды, рассмеялась.

Однако смех ее утонул в неожиданном грохоте сверху. Ли-  
за подпрыгнула на стуле, Алекс непроизвольно пригнулся,  
едва не макнув носом в тарелку.

– Не бойтесь, – поспешила успокоить гостей девочка, –  
это всего лишь молния.

– И так каждый раз?

Лиза оправилась раньше мужа, по ее лицу Алекс прочел,  
что она целиком принимает простой факт – у каждого замка  
свои призраки. Хочешь жить в замке – смирись. А этот замок  
ей очень нравился.

– Каждый. Вы привыкнете. Молнии бьют в токоприемник  
от трех до семи раз в день.

– Впервые о таком слышу. Ни на одной планете ничего

подобного не видел. – хмыкнул Алекс.

– Состав астероида располагает, к тому же эта пыль выступает хорошим проводником, а отсутствие атмосферы облегчает контакт частиц с космическими лучами. Но это долго объяснять, а вас уже, должно быть, клонит в сон.

Алекс, конечно, и думать забыл про всякий сон, но не хотел показаться сверх грубости еще и навязчивым, поэтому покорно кивнул. В конце концов, будет еще случай спросить – он мысленно смирился с тем, что они здесь не на один день.

Убрав со стола, Вики отвела Алекса и Лизу наверх. Они поднялись по крутой, устланной ковром лестнице. Справа, в одном из тех самых баллонов-эркеров, располагалась хозяйская спальня, слева – гостевая комната; сама девочка жила в комнате наверху. Достав из шкафа одеяло и белье, девочка, казалось, ни капли не уставшая, словно в ней таился бесконечный заряд энергии, притворила дверь за собой, хитро улыбнувшись в щелочку.

Перед сном Алекс и Лиза почти не говорили. Лежали молча на двуспальной кровати с продавленным матрасом, который казался им царским ложем, и пытались преодолеть в уме ту сотню шагов, что отделяла их от прошлой жизни. Их лишь пустили на ночлег несколько часов назад, но супругам казалось, что жизнь их с сегодняшнего дня изменилась навсегда.

Необычное чувство близости, забытое с тех пор, как они стали жить на буксире, тело жены, не затянутое в обязательный комбинезон, пахнущее не потом и не химически-

ми дезодорирующими салфетками, а той естественной прелестью запаха чистого тела, вынудило Алекса действовать в обход его воли. Он понял, что делает, лишь когда его пальцы скользнули под белье, а губы обхватили мочку уха жены. Лиза на мгновение замерла, но не отстранилась привычно, а подалась, помогая его пальцам. Дыхание участилось, а после и вовсе сбилось, как у астматиков, губы их встретились в спасительном искусственном дыхании, а потом тоскливый, леденящий душу звук заставил их замереть.

Их глаза встретились и передали друг другу серию непроницаемых реплик, известных, наверное, еще доисторическим людям.

«Опасность. Ты слышишь? Я тоже слышу. Замри. Я тоже замру. Надо узнать, что это. Не ходи. Невыносимо терпеть».

Алекс соскользнул с кровати и припал ухом к двери. Звук стал громче, в нем чувствовалась пока непонятная ритмическая структура. Высокий, но не принадлежащий равно ни одному человеку, ни одному инструменту, что Алексу доводилось слышать прежде. Он приоткрыл дверь и почувствовал ладони Лизы на своей спине.

«Я здесь. Я с тобой. Мне страшно, но я пойду».

Теплые прикосновения успокаивали, придавали уверенности. Алекс шагнул на лестницу, дверь хозяйской спальни была заперта, и оттуда не доносилось ни звука. Пронизывающая, как ледяной ветер, мелодия лилась сверху, оттуда, где находилась детская.

Свет в доме был приглушен, лишь камин распугивал яркими мазками затаившиеся в углах тени. Постояв в нерешительности, Алекс пошел на звук; Лиза все так же держалась за его спиной. Три ступеньки. Еще две. Скрип усталой доски под ногой. Сжав в руке фигурную ручку, Алекс замер перед дверью, прислушиваясь, затем повернулся и одними губами сказал жене: «Аве Мария». Искаженный безжизненно-пустым звучанием молитвенный гимн просачивался сквозь замочную скважину, однако свет в комнате не горел. Алекс постучал костяшками по двери, но так тихо, что сам едва услышал стук. Повторил чуть громче и, не дождавшись ответа, вошел. За дверью гостей ждали еще несколько крутых ступенек.

Алекс обернулся – источник звука теперь находился у него за спиной. Поднимавшаяся следом Лиза замерла – муж смотрел вверх ее головы взглядом, полным тревожного удивления. Проследив за взглядом Алекса, она увидела витражную розу. За мутными толстыми стеклами качалась голубая мгла, на фоне которой резко выделялся детский силуэт. Вики недвижимо сидела лицом к окну, лишь руки ее двигались сомнамбулически, точно жили сами по себе. Левая отведена в сторону у пояса, ее движения были плавны и неторопливы. Правая приподнята, пальцы на ней ритмично сжимались и разжимались, пощипывая воздух и складываясь в таинственные пассы. А музыка... музыка подчинялась этим завораживающим движениям. Не останавливаемая бо-

лее преградами стен и дверей, она была такой же холодной и безжизненной, но очаровывала своей отстраненной красотой. Казалось, Вики дирижировала колышущимся за окном маревом, а оттуда лились через стекло эти непередаваемые звуки.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.